

Пока они разговаривали, группа подошла к кухне.

Ли Пинъань, следуя указаниям Сяо Чжунцзы, достал из шкафа вымытые миски и палочки, наполнил миску до краев густой рисовой кашей и нанизал на палочки шесть пшеничных пампушек.

От каждого кусочка, запиваемого кашей, у Ли Пинъаня кружилась голова — до того было сладко.

Сяо Чжунцзы взял себе лишь миску жидкой кашицы:

— Когда я только попал во дворец, тоже мог съесть столько же, но со временем привык и уже не хочется.

Ли Пинъань, жадно поглощая еду, не мог ответить, в душе его зародилось сомнение. Как на свете могут надоесть белые пампушки? Он был готов спать в горе такой муки.

Пока четверо ели, в кухню потянулись и другие евнухи. Огромные корзины с пампушками опустели в мгновение ока, а от десятка бадей с кашей осталась лишь пустая похлебка.

Ли Пинъань заметил, что евнухи приходили группами по три-пять человек, в одиночку — почти никто. Те же редкие одиночки либо вели себя нагло, заставляя всех уступать дорогу, либо, наоборот, сжимались в комок, низко склонив головы.

Когда трое товарищей закончили трапезу, они разошлись по своим постам. Ли Пинъань допил остатки похлебки, чтобы окончательно утолить голод. Его живот раздулся, как барабан, и наставления Сяо Чжунцзы об умеренности в еде вылетели из головы. Не то чтобы Сяо Чжунцзы был неправ, просто после двенадцати лет постоянного голода разве можно было совладать с аппетитом?

— У Сунь-живодера мы ели лишь бурый рис да дикие травы, а белую муку позволяли себе только по праздникам. Знай я раньше, что евнухам так хорошо живется, давно бы пришел во дворец. Глядишь, и сестрица не умерла бы от голода...

Ли Пинъань потирал ноющий живот, жалея лишь о том, что не оскотление прошел раньше.

Идя по дворцовому коридору в одиночестве, без присмотра и защиты своих новых знакомых, он невольно ссутулился и при виде встречных тут же жался к стене.

За кухней, если повернуть на восток и миновать две стены, находилось место, где новичков обучали внутренним боевым искусствам — Зал Внутренних Боевых Искусств. Двери были распахнуты, оттуда доносился шум и праздные разговоры.

Ли Пинъань вошел, не привлекая ничьего внимания, забился в неприметный угол и принялся украдкой разглядывать остальных. Большинство были мальчишками лет десяти-двенадцати, но попадались и взрослые евнухи с низкими, хриплыми голосами.

Больше всех выделялся коренастый подросток лет четырнадцати-пятнадцати с квадратным лицом, смуглой кожей и широкими плечами. Вокруг него, словно звезды вокруг луны, столпилось с десяток младших евнухов, наперебой выказывая свое почтение и лесть.

Прислушавшись, Ли Пинъань понял причину такого успеха:

— Сяо Гуйцзы обладает редким талантом к боевым искусствам, сам евнух Чжоу, наш наставник, взял его в приемные сыновья. Неудивительно, что все перед ним заискивают.

В душе шевельнулась зависть. Будь у него такой влиятельный названный отец, не пришлось бы ходить на цыпочках, можно было бы держать себя куда увереннее.

Вскоре в дверях показался старый евнух. На вид ему было не меньше семидесяти: лицо в глубоких морщинах и бурых пятнах, спина колесом, при каждом шаге его шатало так, будто он вот-вот рухнет. Однако, стоило этой полуживой развалине переступить порог, как в зале мгновенно воцарилась тишина. Младшие евнухи тут же вытянулись на своих местах, затаив дыхание.

Старик обвел зал мутными, запавшими глазами, отчего всех пробрала дрожь. Его взгляд на мгновение задержался на Ли Пинъане, а голос, тонкий и острый, как игла, прорезал воздух:

— Откройте первую страницу Канона Лотоса и повторяйте за мной: Красная пыль связывает сердце, белый лотос избавляет от бедствий, одна мысль — и все сущее погружается в небытие...

Его голос, тихий, словно жужжание комара, проникал прямо в уши. Холодный, вкрадчивый, он извивался внутри, подобно змее.

Ли Пинъань поспешно открыл единственную книгу на столе. Он не знал ни одного иероглифа, поэтому лишь механически повторял слова за стариком. В книге было всего-то страниц на тысячу-восемьсот знаков, и они читали их снова и снова. У Ли Пинъаня закружилась голова, буквы начали сливаться и превращаться в крошечных человечков, которые сходились в схватке. В итоге он запомнил лишь четыре иероглифа на обложке: Канон Лотоса.

Старик захлопнул книгу и, не заботясь о том, усвоили ли что-то ученики, приказал:

— Усердно повторяйте и вникайте. Как выучите — идите в соседнюю комнату для медитаций. Сяо Гуйцзы, иди за мной.

Сяо Гуйцзы, подобострастно согнувшись, последовал за названным отцом, напоследок не забыв бросить самодовольный взгляд на своих товарищей. Ли Пинъаню было не до зависти — он в растерянности разглядывал текст, обливаясь потом от страха. Сяо Чжунцзы говорил, что тех, кто плохо учится, отправляют выносить ночные горшки.

Сам по себе труд его не пугал — в деревне нечистоты были ценным удобрением, их берегли пуще глаза. Но его мечтой была Управление Императорской Кухни, где можно было до отвала наесться белых пампушек.

— Что... что же мне делать?

Он огляделся: кто-то откровенно бездельничал, кто-то запинаясь, читая текст, другие советовались друг с другом. Несмотря на то что все занимались вместе, некоторые пришли раньше и уже успели освоить основы. Ли Пинъань, будучи новичком, никого не знал, но ради заветных пампушек набрался храбрости и обратился к соседу, Сяо Жунцзы:

— Господин Жун, не могли бы вы обучить меня паре знаков?

Сяо Жунцзы поначалу не хотел иметь дела с этим чумазым деревенщиной, который, по его мнению, был рожден лишь для чистки отхожих мест. Но стоило ему услышать обращение «господин», как его лицо просияло от удовольствия.

— Какие знаки?

— Вот эти, вот эти и вот эти.

Ли Пинъань попросил растолковать первые двадцать знаков — больше он бояться не запомнить. Сяо Жунцзы, растягивая слова, произнес:

— Красная пыль связывает сердце, белый лотос избавляет от бедствий, одна мысль — и все сущее погружается в небытие. Ци течет по меридиану Жэнь-май, кровь обращается вспять, затылок горит огнем, а в источнике жизни рождается холод!

Ли Пинъань старательно запомнил их, повторил несколько раз и поклонился:

— Благодарю вас, господин Жун.

Сяо Жунцзы прищурился:

— Как ты меня назвал?

Ли Пинъань удивился:

— Господин Жун. Я что-то перепутал?

— Нет, нет, я просто хотел услышать еще раз.

— Господин Жун...

— О-о-о... — Сяо Жунцзы расплылся в блаженной улыбке.

Окрыленный лестью, он стал с готовностью объяснять Ли Пинъаню каждый знак Канона Лотоса. «Хоть этот деревенщина и неотёсанный, но знает свое место, — подумал он. — Может, из него что-то и выйдет, стоит присмотреться». Сяо Жунцзы наслаждался вниманием, но при этом четко делил людей на полезных и бесполезных.

Ли Пинъань не догадывался о его мыслях и прилежно зубрил. К полудню он запомнил уже больше тридцати знаков.

— С такой скоростью я освою весь текст за месяц, а на медитации останется еще четыре-пять месяцев...

В полдень, так и не дождавшись возвращения евнуха Чжоу и Сяо Гуйцзы, ученики разошлись. Ли Пинъань снова отправился на кухню, где, несмотря на утренние шесть пампушек, с жадностью умял еще три.

— Как же хорошо быть евнухом: три раза в день кормят, и на поле гнуть спину не нужно!

После обеда обучение правилам проходило не в помещении, а на открытой площадке. Стояла жара, каменные плиты раскалились на солнце. Около сотни евнухов выстроились в ряды, опустив головы, втянув плечи и сложив руки на животе. Впереди сидел старый евнух, такой же седой, как Чжоу, и, казалось, дремал в своем кресле, греясь на солнце. Однако стоило кому-то хоть немного пошевелиться, как из его руки вылетала соевая бобина, оставляя на теле провинившегося синяк.

Ли Пинъань простоял всего четверть часа, а его ноги уже дрожали, как в лихорадке. Не то чтобы он боялся трудностей, но деревенскому мальчишке, привыкшему бегать по горам и рекам, было невыносимо терпеть такую монотонную муштру.

Хлоп!

Соевое зерно точно угодило Ли Пинъаню в голень. Он скривился от боли, с трудом удержавшись на ногах. Ранее он видел, как старик без малейшей жалости продолжал

обстреливать упавшего евнуха, пока тот не покрылся сплошными синяками.

— Хе-хе-хе... — старик издал жуткий смешок, похожий на крик ночной птицы. — Не вините меня в жестокости. Если не освоите внутреннюю силу, максимум, что вас ждет — это вынос нечистот, но если не усвоите правила... то можете лишиться головы!

<http://bllate.org/book/18511/1779131>